

ПРОБЛЕМЫ И МАТЕРИАЛЫ

С. Н. Санжаров

АБАШЕВСКИЙ ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД В ПОДОНЦОВЬЕ И ЕГО ИДЕНТИФИКАЦИЯ В СРЕДЕ МЕСТНЫХ ДРЕВНОСТЕЙ

S. N. Sanzharov. The Abashevo burial rite in the Donets River basin and its identification among the local antiquities

Abstract. The indications of the Abashevo Bronze Age culture burial rite in the Middle Seversky Donets are considered. In the analysed group of burials such characteristics are revealed as large graves, two-storey constructions, double and collective burials, orientation of the dead to SE, their position contracted on their back with bent legs knees up, usage of charcoal. Limited number of grave goods in the Abashevo burials in the Donets basin is determined by the conditions of migration, which later transformed into a cultural standard typical of the latest Catacomb (or early multi-rib pottery culture). Characteristically transformed Abashevo burial standards are clearly present in the local latest Catacomb burials in the Seversky Donets region. In the Ukrainian sites these were often interpreted as indications of Pit-grave culture, which caused the thesis on the revival of the Pit-grave cultural traditions in the multi-rib pottery cultural milieu.

Ключевые слова: ямная, позднекатакомбная, финальнокатакомбная, абашевская, многоваликовая культуры, покровские памятники.

В соответствии с действующей схемой культурно-хронологического членения курганных памятников бассейна Северского Донца обряд захоронений в двухъярусных четырехугольных ямах фиксируется на протяжении раннего и среднего этапов бронзового века и характеризует преимущественно различные группировки погребений ямной, позднекатакомбной и финальнокатакомбной (ранняя КМК) культур. В свое время ямная культура получила наименование благодаря выразительной и внешне простой форме могильных устройств данного типа. Заметные вариации ямной погребальной обрядности отчетливо проявляются на позднем этапе культуры. В качестве непосредственно наблюдаемых устойчивых признаков они отражены в изменениях деталей ямных конструкций, различной направленности длинных осей могил, особенностях укладки умерших, их ориентировок, степени углов скорченности, положениях рук и ног.

На основе комплекса культуuroобразующих признаков в рамках северско-донского варианта ямной культуры Н. Я. Мерперт выделил четыре хронологические группы, третья из которых характеризуется скорченными на боку захоронениями с восточной ориентировкой, а четвертая, наиболее поздняя, – неустойчивой ориентировкой (*Мерперт*, 1968. С. 26, 27). В результате притока новых материалов и значительного расширения источниковой базы в дальнейшем произошла корректировка первичных обобщений. Так, С. Н. Братченко установил принадлежность северскодонских позднейших захоронений двум синхронным культурным группам – бахмутско-берекской, концентрирующейся в пределах северного правобережья Северского Донца, и нижнедонской (южные памятники луганской группы). В первой преобладают ориентировки на восток и северо-восток, а во второй – на запад. Довольно редко в позднейшей обрядности фиксируются ориентировки умерших на юго-запад, юг и юго-восток, маркируя позднейшие культурные проявления. Известное разнообразие наблюдается в положениях умерших: слабая степень скорченности на спине с разворотом на бок, на правом или левом боку. На дне могил прослежены тлены от подстилок и обильная посыпка порошком красной охры (*Братченко*, 2001. С. 50–52).

Одной из ярких особенностей позднейшей погребальной традиции являются заплечики-уступы по верхнему периметру могильных ям, имеющие практическое значение опор для горизонтальных деревянных или каменных перекрытий-заслонов. Эта своеобразная деталь могильного устройства преобразовывает простую яму в двухкамерное (двухъярусное) сооружение. Яма верхнего яруса служила входной шахтой общей конструкции, нижнего – камерой погребения умерших. Примечательно, что в размещении заплечиков внутри могил на территории Подонцовья и Нижнего Дона прослеживается четкая закономерность, по всей видимости регламентированная нормами позднейшей обрядности. В основных погребениях они устраивались исключительно на уровне древнего горизонта (*Братченко*, 1976. С. 61), а во впускных – как на уровне поверхности погребенной почвы, так и внутри насыпи курганов при обязательном сооружении ямы нижнего яруса (камеры погребения) только в толще материкового стерильного грунта, изолирующего, вероятно, усопшего от осквернения плодородным черноземом (*Братченко*, 2001. С. 52). В связи с данным обстоятельством глубины нижних ярусов порой достигали значительных величин – до 2,3 (*Санжаров*, *Бритюк*, 1996. С. 105) и даже 3,5 м (*Санжаров и др.*, 1992. С. 48, 49). В то же время обычно к дну ямы заметно расширялись и ни разу не сопровождались ступенями или уступами, что также могло быть продиктовано охранительными магическими действиями.

Позднейшие конструкции с заплечиками в значительном количестве прослежены на сопредельной территории Северного Приазовья. Только в Северо-Восточном Приазовье их удельный вес среди ямных устройств составляет 13% (*Санжаров*, 2001. С. 22). Западнее, ближе к Нижнему Поднепровью, количество ям с заплечиками заметно возрастает. И здесь они маркируют поздние впускные ямные захоронения. Как проследил А. И. Тереножкин, в бассейне р. Молочной уступы впускных ямных погребений тоже сооружались на уровне поверхности

погребенной почвы (*Тереножкін*, 1960. С. 8). Однако некоторые приазовские позднейшие основные и впускные погребения близки раннекатакомбной обрядности, демонстрируют смену вертикальных конструкций (входная яма – камера) на вертикально-горизонтальные и отличаются наличием жаровен из стенок сосудов. Именно в североприазовской группе зафиксировано устройство заплечиков даже в материковых стенках весьма глубоких ям (*Рассамакин*, 1991. С. 54; *Рассамакин*, 2006. С. 129–131. Рис. 5, 5), что в целом не соответствует традиции соседнего северскодонецкого варианта. Еще одной особенностью ямной культуры Северного Приазовья, отличающей ее от погребений бассейна Северского Донца, является распространение в инвентаре особых сосудов с ручками (*Братченко*, 1973. С. 25).

Опирающиеся на уступы-заплечики деревянные и каменные заслоны замуровывали погребальные камеры (ямы нижних ярусов), предотвращая в соответствии с магическим мировоззрением возможность усопших покидать грунтовые склепы (*Братченко*, 2001. С. 52). Изредка в состав заслонов в качестве оберегов входили каменные антропоморфные стелы (*Тереножкін*, 1960. С. 7; *Телегін*, 1971. С. 16; *Щепинський*, 1973. С. 25; *Евдокимов*, 1991. С. 188, 189. Рис. 2). В отличие от камер, верхние ямы (входные шахты) преднамеренно заполнялись грунтом и перекрывались новыми насыпями или досыпками.

Между тем в составе северскодонецких погребений эпохи бронзы, демонстрирующих ямные погребальные устройства, нередко наблюдаются специфические признаки, дающие основания рассматривать их вне круга позднейших древностей. Например, уступы позднекатакомбных захоронений в ямах сооружены не на уровне древнего горизонта, а в материковом грунте, и ямы нижних ярусов имеют в целом незначительные глубины – от 1,2 до 0,2 м (*Санжаров*, 2002. С. 17–24). Иногда позднекатакомбные ямы сопровождаются уступами не по всему периметру могил, уступы оставлены лишь под двумя стенами. Следует отметить, что в определении культурной принадлежности позднекатакомбных захоронений в ямах никогда не возникали затруднения, поскольку они сопровождаются выразительными катакомбными признаками, главное – типичным инвентарем и керамикой. Именно позднекатакомбные северскодонецкие захоронения демонстрируют обязательность наличия посуды. Безынвентарные погребения здесь фактически отсутствуют, а общее количество имеющихся сосудов превосходит число анализируемых позднекатакомбных погребений (*Смирнов*, 1996. С. 54–113).

Намного сложнее дела обстоят с вычленением из внешне однородной позднейшей среды погребальных абашевских комплексов в районах общего распространения, прежде всего Доно-Донецком, древностей обеих культур, в связи с тем, что, несмотря на большой хронологический разрыв между ними, их погребальная обрядность сопоставима по целому ряду параметров, неоднократно отмеченных исследователями (*Смирнов*, 1961. С. 21; *Евтюхова*, 1961. С. 28). Так, в отношении абашевского курганного обряда А. Х. Халиков констатировал: «...в нем наиболее четко, как в никакой другой культуре эпохи бронзы, сохранились в пережиточной форме традиции погребального обряда ямной культурной общности». Исследователь указал на целую серию общих сопоставимых признаков, а отсутствие охры связал с наличием ее смыслового эквивалента – горящих

углей. Яркие ямные элементы в среде абашевских погребений А. Х. Халиков объяснял возможностью формирования абашевской культуры на позднеямной основе в северной области распространения ямной культурной общности (Халиков, 1961. С. 222, 223). Поддерживая А. Х. Халикова, А. Д. Пряхин отмечает, что хронологический разрыв между позднеямными и абашевскими памятниками может быть сокращен за счет уточнения абсолютной хронологии культур энеолита – бронзы Восточной Европы, а в качестве промежуточных древностей (связующего звена) предлагает рассматривать архангельскую группу катакомбного времени, сочетающую катакомбные и более ранние культурные признаки (Пряхин, 1971. С. 173–175). Как подчеркивает О. В. Кузьмина, специфика поз умерших в абашевских захоронениях является только реминисценцией древних традиций энеолита и ранней бронзы степной полосы, но отдельные особенности общей обрядности, разумеется, не позволяют относить абашевскую обрядность к ямному времени (Кузьмина, 1992. С. 10).

Погребения абашевской культуры, как и позднеямные захоронения, характеризуются курганным обрядом, прямоугольными могильными ямами с деревянными перекрытиями, размещением умерших в слабоскорченном положении на спине, правом, реже левом, боку, с подогнутыми вверх коленями ногами. Им присущи парные и коллективные захоронения. В ориентировках усопших преобладают юго-восточное и восточное направления, но встречены и южное, северо-восточное, северо-западное (Евтюхова, 1961. С. 27–31; Халиков, 1961. С. 222). Специфическими культуuroопределяющими абашевскими признаками считаются примечательный керамический комплекс, устойчивость юго-восточной ориентировки, наличие ступеней и боковых уступов под стенками ям, присутствие на дне золы и древесных углей, посыпка дна и костяков мелом, известью, песком, а также размещение нескольких, преимущественно двух, основных погребений на подкурганной площадке в ряд, что приводило к формированию курганных насыпей удлинённой формы, совершение поминальных действий – тризн и наличие оградок из кольев вокруг захоронений (Евтюхова, 1961. С. 31–34; Халиков, 1961. С. 210–213). А. Х. Халиков на основе абашевских материалов пикшикских и виловатских курганов установил важную деталь – появление у дна могильных ям невысоких погребальных камер с деревянными перекрытиями, опиравшимися либо на деревянные обкладки стен, либо на деревянные столбики по углам ямы (Халиков, 1961. С. 211, 212). В данном случае речь может идти о генезисе боковых уступов в материковых стенках ям, также отличающихся небольшими высотами.

Перечисленные признаки погребальной обрядности в целом типичны для абашевских памятников обширных географических зон и определяют ведущее содержание доно-волжской, средневолжской и уральской культур (Пряхин, 1977. С. 9–17, 49–56, 71–84), специфику погребальных абашевских древностей правобережья и левобережья Среднего Поволжья и Южного Урала (Кузьмина, 2003. С. 152–155), проявляя тем не менее допустимые отклонения в расположении корпуса, рук, ног умерших (размещение скорченно на левом боку с кистями рук у лица, укладка рук, одной из них, на животе или груди) и их ориентировок, но в пределах общей обрядности. В связи с данным обстоятельством А. Х. Халиков вынужден констатировать, что в различных районах абашевский погребальный

обряд, несмотря на разнообразие в деталях, «в целом является довольно устойчивым и определенным» (Халиков, 1961. С. 213). Лишь отдельные элементы абашевских погребальных традиций получают особо специфические выражения (например, появление внутри могил деревянных конструкций в виде срубов и каменных ящиков, преимущественно зафиксированных в поволжских и южноуральских памятниках), свидетельствуя о тесном сосуществовании традиционных и инновационных признаков в рамках целостной абашевской культуры (Кузьмина, 2003. С. 155).

Регион левобережья Северского Донца отнесен А. Д. Пряхиным к зоне распространения абашевских памятников (Пряхин, 1976. С. 65). Отдельные абашевские проявления на территории Подонцовья, как в бытовых, так и в погребальных материалах, неоднократно фиксировались Н. Н. Чередниченко (1970. С. 233), Т. А. Шаповаловым (1976. С. 156), С. Н. Братченко (1977. С. 26) и И. А. Писларием (1983. С. 20). Широкою известность северскодонецкие позднеабашевские древности, сопоставимые с доно-волжскими, получили только после публикации аналитических работ Я. П. Гершковича (1982. С. 46–61) и С. С. Березанской (1987. С. 26–37).

Недавно автором из состава позднеямных и позднекатакомбных захоронений в ямах на Северском Донце выделена одна своеобразная, пока еще малочисленная, группа погребений развитого этапа доно-волжской абашевской культуры, отличающаяся крупными ямными конструкциями с уступами и заплечиками, ориентированными по линии ЮВ–СЗ, и крайней скудостью или почти отсутствием погребального инвентаря (Санжаров, 2004а. С. 236–256). От позднеямных захоронений, в условиях отсутствия культуруопределяющих вещей, данная группа отличается устройством ступеней и уступов исключительно в материковых стенках могил, доминированием ориентировок умерших на юго-восток и абашевскими вариациями в их размещении. Поскольку общее количество идентифицированных северскодонецких погребений развитого этапа абашевской культуры пока еще незначительно, приобщение к их числу новых памятников нам представляется актуальной задачей и важным результатом исследовательского поиска. В связи с этим подробно остановимся на кургане у с. Крипаки с двумя основными погребениями абашевского типа¹.

Курган 2 располагался на правобережье Северского Донца близ с. Крипаки Славяносербского р-на Луганской обл. Исследован Донецкой экспедицией ИА АН Украины под руководством С. Н. Братченко в 1978 г. (Братченко и др., 1978). Содержал впускные и два основных погребения (10 и 11). Высота насыпи от древнего горизонта 0,8 м, длина по линии С–Ю около 18 м, по линии В–З – 16 м. Поверхность кургана деформирована и вытянута по линии С–Ю.

Основные захоронения 10 и 11 совершены с поверхности погребенной почвы и размещены в ряд по линии С–Ю на расстоянии 1,5 м друг от друга (рис. 1). Парные погребения окружены овальным в плане общим материковым выкидом в виде своеобразной грунтовой оградки длиной по линии С–Ю 13,3 м, по ли-

¹ Благодарю С. Н. Братченко за любезное разрешение опубликовать данные материалы его полевых исследований на Луганщине.

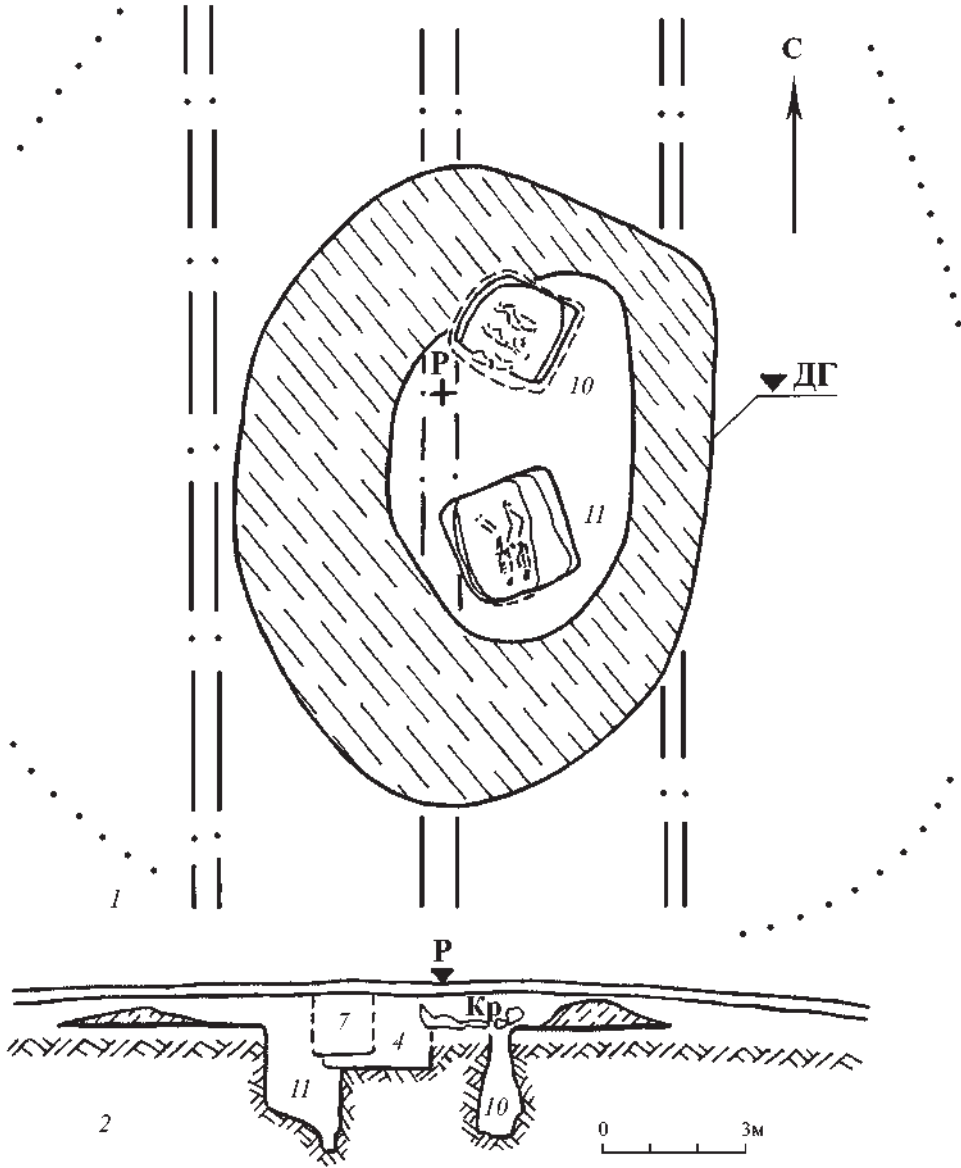

Рис. 1. Общий план кургана 2 у с. Крипки

нии В-3 – 10 м. Ширина кольца выкида – от 1,5 до 3,5 м, средняя толщина – 0,3–0,5 м.

Погребение 10 сооружено в северной части подкурганной площадки. Могильная яма в плане подквадратной формы (2,45 × 2,3 м), ориентирована с юго-востока на северо-запад. Ко дну, устроенному на глубине 2,5 м от древнего горизонта (уровня впуска), стенки сужались. На этом уровне дно приоб-

ретало прямоугольную форму и ориентировано по линии юго-запад–северо-восток. Под северо-западной, северной и юго-восточной стенками оставлены боковые уступы шириной 0,15–0,2 м и высотой от дна 0,8 м. На поверхности уступов прослежены фрагменты сохранившегося деревянного перекрытия – заслона.

На дне, на слое коричневого тлена, находились остатки трех плохо сохранившихся умерших – двух взрослых и подростка (рис. 2, 1). В северо-восточной части размещался костяк 1 в скорченном положении на спине с разворотом вправо. Правая рука вытянута вдоль туловища. Левая согнута в локте и уложена на животе. Ноги, согнутые коленями вверх, после разложения мягких тканей завалились на правую сторону. У кисти правой руки прослежены пятно порошка красной охры и скопление древесных углей. Ориентирован погребенный на юго-восток.

Юго-западнее костяка 1 размещался костяк 2 в слабоскорченном положении на спине с разворотом вправо. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая – согнута в локте и уложена поперек живота. Левая нога вытянута, а правая слегка согнута в колене и уложена направо. Ориентирован погребенный на юго-восток. Костяк 3 (подростка) находился под юго-западной стенкой в слабоскорченном положении на спине с разворотом вправо. Руки вытянуты вдоль туловища. Ноги первоначально были подогнуты коленями вверх. После разложения связок правая нога завалилась вправо, а левая слегка выпрямилась. Ориентирован подросток на восток. Перед правой рукой зафиксированы порошок красной охры и скопление древесных углей.

Могильная яма погребения 11 в плане имела подквадратную форму (2,5 × 2,3 м), ориентирована по линии ЮЮВ–ССЗ. Ко дну, находящемуся на глубине 2,5 м от древнего горизонта, сужалась до размеров 2,4 × 1,35 м. Под западной и восточной стенками оставлены боковые уступы шириной 0,2–0,5 м и высотой 1,1–1 м. Восточный уступ обвалился в древности. На их поверхности прослежены куски древесины от перекрытия-заслона.

В центральной части дна размещены два костяка взрослых (рис. 2, 2). Западнее находился костяк 1 в слабоскорченном положении на правом боку. Руки вытянуты вдоль туловища и кистями уложены у правого крыла таза. Ноги слегка согнуты в коленях и уложены вправо. Около них прослежена посыпка порошком красной охры. Ориентирован погребенный на ЮЮВ. Восточнее в аналогичном положении находился костяк 2. У его левого бедра и за черепом фиксировалась локальная посыпка порошком красной охры и имелось скопление древесных углей.

Представленные погребения из кургана у с. Крипаки в свете традиционных позиций рассматривались бы в рамках северскодонецких древностей позднего этапа ямной культуры в составе немногочисленной группы захоронений с юго-восточной ориентировкой умерших. Такие погребения, судя по стратиграфии кургана 4 у с. Октябрьское, репрезентируют позднейшие позднейшие памятники и перекрываются насыпями и досыпками катакомбного времени (Октябрьское, к. 4, п. 3 и 4) (*Санжаров и др.*, 1992. С. 4–6, 47. Рис. 11, 2, 5). Аналогичные позднейшие захоронения встречены в составе курганного могильника у с. Вербовка (к. 7, п. 5; к. 11, п. 7; к. 12, п. 1) (*Клименко*, 1997.

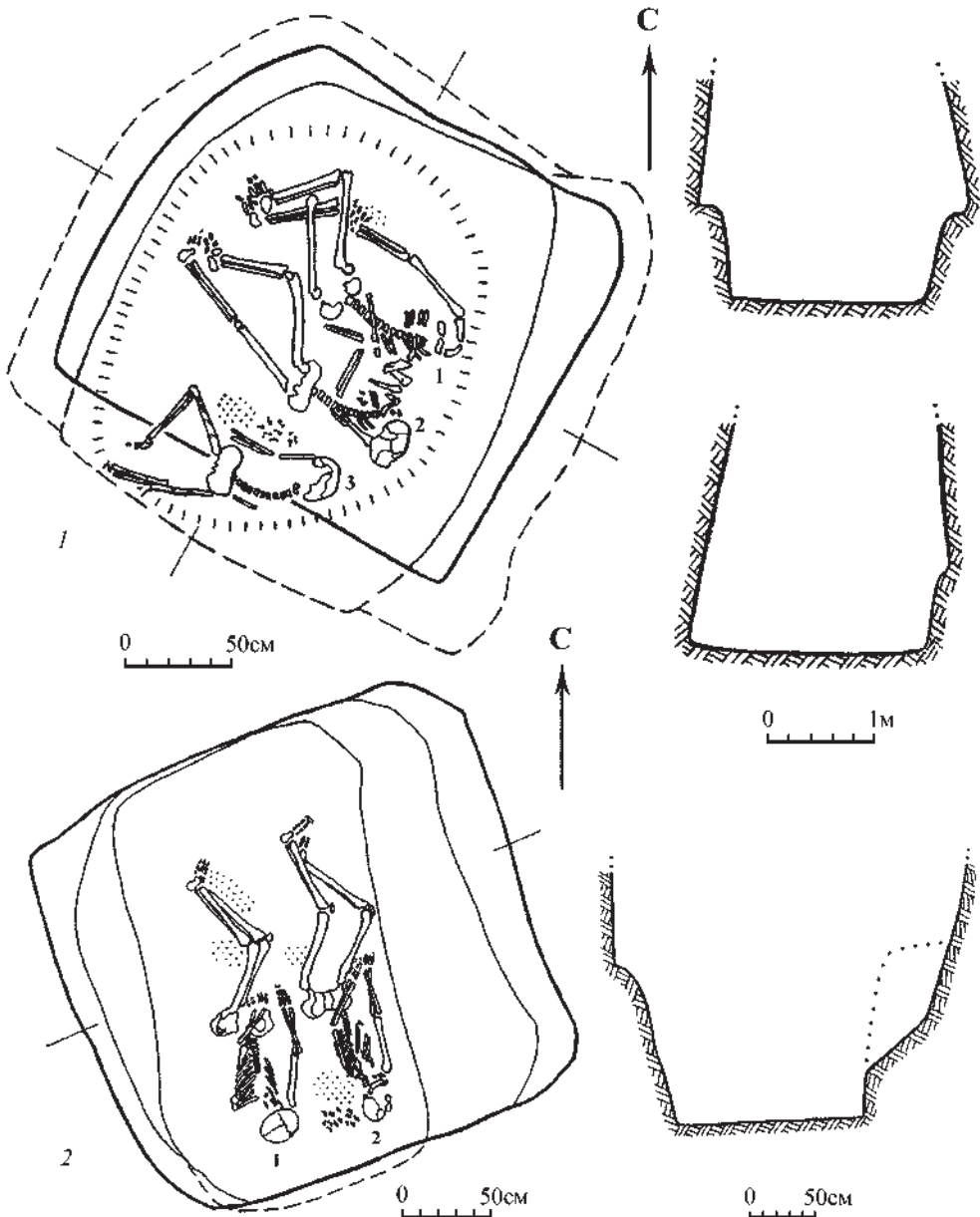

Рис. 2. Крипаки

1 – кург. 2, погр. 10; 2 – кург. 2, погр. 11

С. 153, 194, 202. Рис. 96, 4; 123, 2; 129, 1). Примечательными признаками северскодонецких позднеямных погребений с юго-восточной ориентировкой умерших являются значительные глубины расширяющихся ко дну могильных ям, размещение умерших на спине или с разворотом вправо в слабоскорчен-

ном положении с поднятыми вверх или уложенными вправо коленями. Руки вытянуты вдоль туловища. Иногда левая рука согнута в локте и кистью уложена на тазе. Отмечена обильная посыпка порошком охры не только дна могил, но и отдельных частей тела (стопы, кисти, грудь, голова). Древесные угольки отсутствуют. В погребении 7 кургана 11 у с. Вербовка встречен типичный позднеямный округлодонный бесшейный сосудик с гребенчатым орнаментом (Клименко, 1997. С. 192. Рис. 122, 4). Погребение 3 в кургане 4 у с. Октябрьское, по всей видимости, имело заплечики и деревянное перекрытие из бревен на уровне впуска могилы в первичную насыпь.

При этом данной группе северскодонецких памятников чужды боковые уступы в материковых стенках могил, что оправданно объединяет захоронения из кургана у с. Крипаки только с безынвентарными погребениями развитого этапа доно-волжской абашевской культуры. Как уже подчеркивалось, близкие по форме позднекатакомбные ямные устройства всегда сопровождаются керамикой, и по этому показателю безынвентарные погребения из с. Крипаки уже не могут быть отождествлены с последними. В поисках аналогичных конструкций можно обратиться к последующим захоронениям финальнокатакомбной общности и раннего срубного времени, в которых нередко наблюдаются отдельные абашевские признаки. На территории Подонцовья и Северо-Восточного Приазовья традиция устройства боковых уступов и заплечиков в материковых стенках еще долго сохраняется в финальнокатакомбных (Смоляниново, к. 3, п. 1; Беева Могила, п. 3; Морокино, к. 15, п. 1; Красильников, Литвиненко, 2000. С. 161, 162, 177. Рис. 3, 2; Полидович, 1993. С. 90. Рис. 51; Антоненко, 1991. С. 158. Рис. 2, 2) и ранних срубных (Морокино, к. 10, п. 1; Полковое, к. 2, п. 12; Александровск, к. 5, п. 2; Антоненко, 1991. С. 157. Рис. 1, 3; Литвиненко, 1992. С. 31, 33. Рис. 1, 2; 2, 5) погребальных обычаях.

Основные захоронения из Крипаков по специфическим инокультурным признакам также не совсем соответствуют позднеямной традиции и должны соотноситься с местными абашевскими памятниками. К таким признакам относится, в частности, практика размещения пары основных погребений на подкурганной площадке в ряд и сооружение над ними общей насыпи, иногда удлиненной. Именно это отличие О. В. Кузьмина считает одним из ведущих абашевских погребальных признаков (Кузьмина, 2003. С. 154). Сопоставимы с захоронениями у с. Крипаки курганные комплексы с парными основными погребениями из ареала эталонных абашевских памятников Чувашии. Здесь, у д. Пикшик, парные захоронения объединены овальными курганными насыпями (курганы 3, 12, 13), а вокруг них (курганы 12, 13) с уровня древнего горизонта прослежены оградки из кольев (Мерперт, 1961. С. 113, 133. Рис. 1, 1; 13; 17) (рис. 3, 4, 7). Могильные ямы пикшикских захоронений демонстрируют доминирующие ориентировки по линиям ЮВ–СЗ и В–З, а в курганах 12 и 13 погребальные конструкции у дна дополнительно обустроены деревянными гробницами из плах и досок (рис. 3, 5, 6, 8, 9). Справедливости ради отметим, что отдельные позднеямные захоронения Подонцовья иллюстрируют наличие подобия системы парных могил (Черных, 2004. С. 233), но в большей степени – при впуске в ямный курган уже второго однокультурного погребения (Лисичанск, к. 3; Зимогорье, к. 1; Дибровка, к. 4; Братченко, 2001. С. 179. Рис. 105) и являются исключением из общего

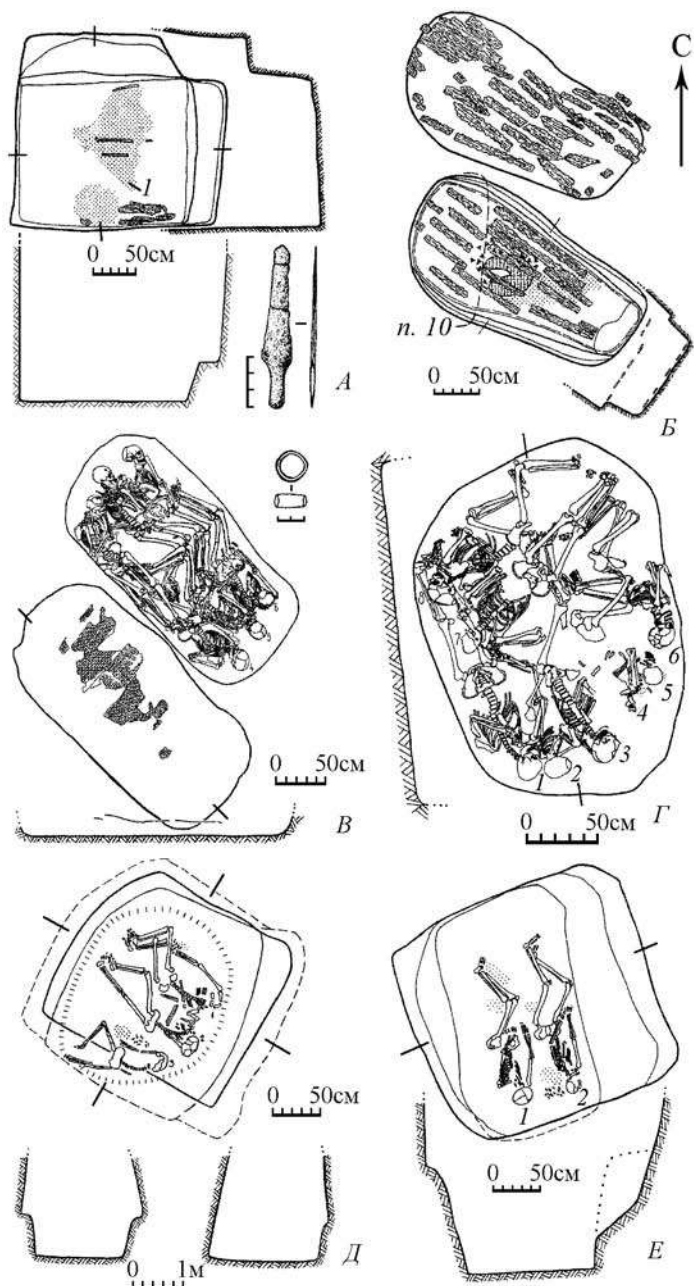

Рис. 3. Абашевские погребения в бассейне Северского Донца

А – Кременная к. 1, п. 10; *Б* – Кременная к. 1, п. 7; *В* – Лимаревка к. 1, п. 7; *Г* – Лимаревка к. 1, п. 21; *Д* – Крипаки к. 2, п. 10; *Е* – Крипаки к. 2, п. 11

правила. С известной долей вероятности в качестве аналогии примечательным абашевским внутрикурганным ограждениям может рассматриваться овальный валообразный выкид вокруг погребений 10 и 11 Крипаков (рис. 3, 1). Такие конфигурации выкидов вокруг парных основных позднейших захоронений в Подонцовье, по крайней мере нам, не известны.

В число общих абашевских признаков входят крупные размеры ямных устройств, практика парных и коллективных погребений, преобладание ориентировок умерших на юго-восток, их скорченное размещение на спине с подогнутыми вверх коленями ногами, наличие скоплений древесных углей на дне могил (*Пряхин*, 1977. С. 11; *Кузьмина*, 2003. С. 152–155; *Большов*, 2003. С. 89, 90).

Рассматриваемые парные захоронения из Крипаков полностью вписываются в группу выделенных абашевских погребений развитого этапа Северского Донца (рис. 4). В их системе примечательным моментом представляется традиция парного нахождения захоронений в трех курганах (Кременная, к. 1; Лимаревка, к. 1, Крипаки, к. 2). Фиксация в большинстве данных захоронений локальной посыпки порошком красной охры, не характерной для абашевской погребальной традиции, может объясняться устойчивым характером этой особенности в среде местного донецкого населения. Лимитирование погребального приданого продиктовано жесткими условиями возобновления имущества в период миграции абашевских племен (*Санжаров*, 2004а. С. 254). Даже в традиционных регионах распространения абашевских памятников керамика присутствует только в 70% погребений (*Большов*, 2003. С. 90). Относительно основного состава погребального имущества известно, что абашевское население весьма рачительно относилось к орудиям труда, их берегли, в связи с чем «погребальный ритуал абашевцев не требовал положения орудий в могилу» (*Евтюхова*, 1965. С. 138). Несмотря на наличие развитой бронзовой индустрии, в «абашевских могилах мало металлических изделий» и главным образом встречаются различные украшения (*Киселев*, 1965. С. 51). В бассейне Северского Донца, в новых условиях проживания, наиболее архаическая, возможно привозная, абашевская посуда встречена не в курганных захоронениях, а на поселениях, в виде посудного боя (Надтеррасное, Серебрянское, Проказино, Черниково Озеро, Круглое Озеро: *Санжаров*, 2004б. С. 112. Рис. 30). Проявление ограничения имущественного достояния в погребальном абашевском ритуале в условиях Подонцовья постепенно приобрело нормированный характер и в дальнейшем наблюдается в системе финальнокатакомбной обрядности как результат синкретизма и трансформации местных позднекатакомбных правил обязательного наделения усопших заупокойным инвентарем и строгого лимитирования в погребальном имуществе прибывших абашевских мигрантов.

В заключение отметим, что позднее, на рубеже средней и поздней бронзы, абашевские погребальные традиции, заметно трансформированные и модернизированные, в бассейне Северского Донца не столько проявляются среди местных финальноабашевских погребений (памятников покровского типа: *Литвиненко*, 1995. С. 73–81), сколько фиксируются в финальнокатакомбной обрядности (ранние многоваликовые древности). Именно финальнокатакомбные захоро-

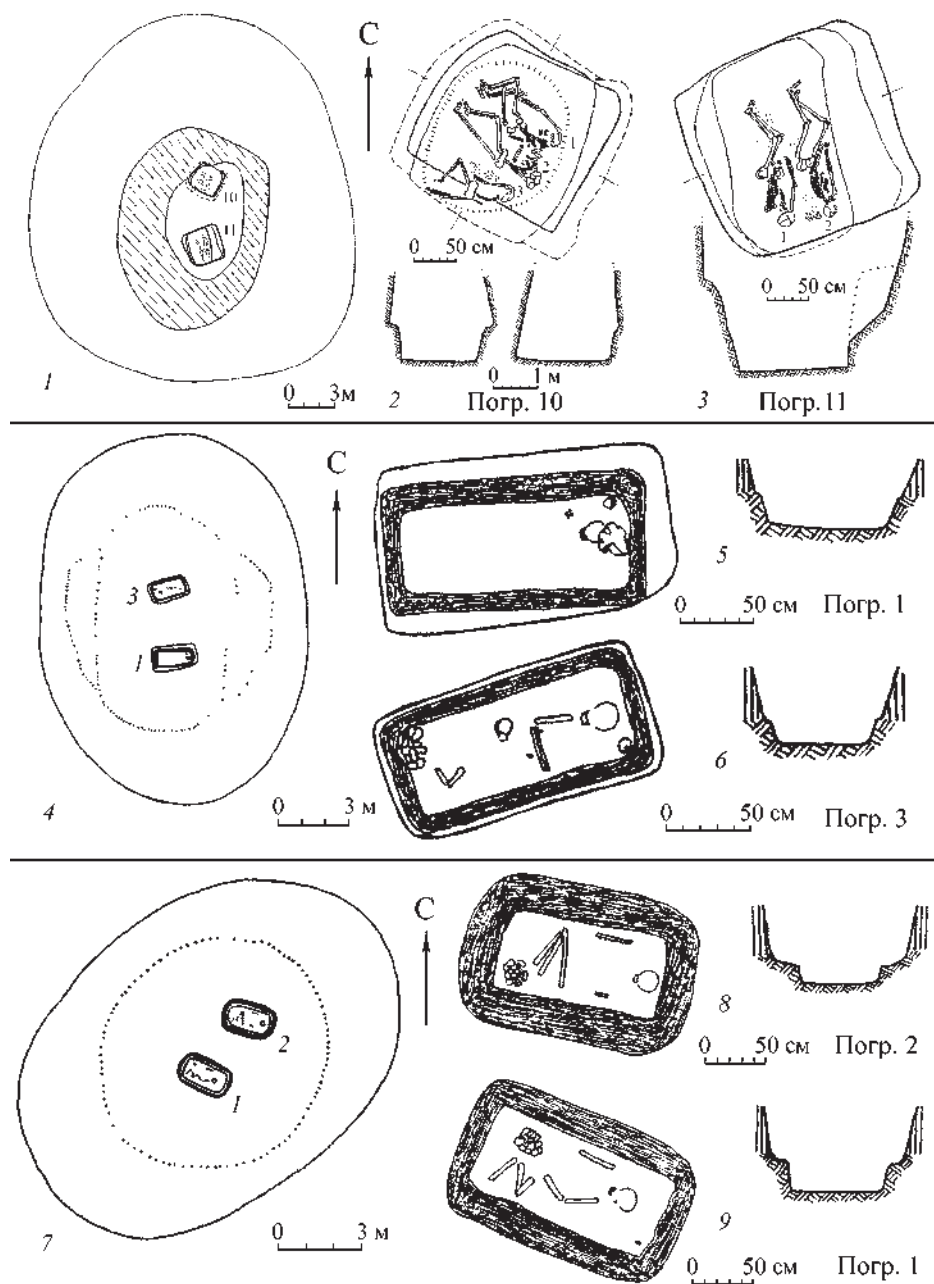

Рис. 4. Курганные абашевские комплексы

1-3 – Крипаки, кург. 2; 4-6 – Пикшик, кург. 12; 7-9 – Пикшик, кург. 13

Рис. 5. Соотношение погребальных обрядов

1–6 – Сватово (1 – к. 3, п. 2; 2 – к. 13, п. 6; 3 – к. 13, п. 7; 4 – к. 12, п. 8; 5 – к. 7, п. 1; 6 – к. 12, п. 2);
 7 – Высокий Лес, к. 1, п. 8; 8, 9 – Нижняя Бараниковка (8 – к. 1, п. 3; 9 – к. 2, п. 5); 10 – Тапшер,
 к. 2, п. 2; 11–14 – Вилюватово (11 – к. гр. 2, к. 8, п. 1; 12 – к. гр. 2, к. 2, п. 3; 13 – к. гр. 2, к. 7, п. 1;
 14 – к. гр. 2, к. 4, п. 1); 15 – Алгаши, к. 1, п. 2; 16 – Катергина, к. 2, п. 2; 17–20 – Пикшик (17 – к. 12,

нения демонстрируют такие специфические трансформированные абашевские погребальные признаки, как:

- практика возведения курганов удлиненной конфигурации;
- сооружение по периметрам курганов вокруг основных захоронений своеобразных оградок в виде каменных кромлехов, набросок или обкладок;
- совершение вблизи погребений поминальных обрядов-тризн;
- устройство заплечиков в материковых стенках могил, формирующих вместе с деревянными перекрытиями невысокие погребальные камеры;
- появление деревянных погребальных камер в виде одновенцовых срубов и рам;
- почти полное отсутствие охры;
- наличие костей жертвенных животных и древесного угля;
- крайняя бедность орудий труда, оружия, керамических сосудов;
- характерные позы умерших – слабая степень скорченности при размещении на правом или левом боку с укладкой рук на животе, груди, подогнутостью одной из них или обеих к лицу;
- ориентация костяков как на восток, так и на запад, с отклонениями до 45°.

Погребальный обряд финальнокатакомбной общности характеризуется явными конструкциями, в том числе с заплечиками в материковых стенках, (рис. 5, 21–28), характерными как для части позднекатакомбных (рис. 5, 7–9), так и для абашевских захоронений (рис. 5, 10–20). К тому же стенки ям как верхнего, так и нижнего ярусов в абашевских погребениях обложены деревом (рис. 5, 17–20), что близко деревянным сооружениям в финальнокатакомбных захоронениях (рис. 5, 22, 24, 27, 28). Примечательно также, что прослеживаемая доминирующая позиция рук в этой группе захоронений – одна вытянута, другая согнута в локте (рис. 5, 22–24), или обе вытянуты к тазу (рис. 5, 21) – типична для местных позднекатакомбных традиций (рис. 5, 1–9) и части абашевских (рис. 5, 13, 14, 16), а редкие укладки в виде общей согнутости рук поперек живота или груди (рис. 5, 25), одна вытянута или согнута, а другая (в основном левая) прижата кистью к подбородку (рис. 5, 26, 27), находят полные соответствия в абашевских ритуалах (рис. 5, 10–12, 15). По данным статистических подсчетов, в финальнокатакомбных захоронениях преобладают катакомбные позиции рук – обе вытянуты (характерны и для абашевской обрядности), одна вытянута, другая согнута (Литвиненко, 2006. С. 175), – подтверждающие правомерность катакомбной атрибуции массива ранних захоронений КМК.

В свете сказанного находит объяснение то обстоятельство, что непосредственно наблюдаемые абашевские признаки в погребальном обряде ранне-

п. 1; 18 – к. 12, п. 3; 19 – к. 13, п. 2; 20 – к. 13, п. 1); 21 – Приволье, к. 11, п. 13; 22 – Крипаки; к. 1, п. 2; 23 – Смоляниново, к. 3, п. 1; 24, 25 – Александровск (24 – к. 1, п. 4; 25 – к. 1, п. 5); 26 – Нижняя Бараниковка, к. 5, п. 11; 27 – Пришиб, к. 2, п. 4; 28 – Шахтерск, к. 8, п. 2

жс – жертвенник, кж – кости животных

го этапа культуры многоваликовой керамики Подонцовья в свое время были восприняты И. А. Писларием (1983. С. 14), а позднее и С. Н. Братченко (2006. С. 225), как своеобразное возрождение ямных традиций в эпоху средней бронзы. Они, в сочетаниях с признаками катакомбной обрядности, при абсолютном доминировании позднекатакомбного облика материального приданого, заставляют переосмыслить культурное обособление ранней КМК и интерпретировать ее содержание в качестве синкретического позднекатакомбно-абашевского симбиоза на финальном этапе катакомбной общности бассейна Северского Донца, Нижнего Подонья, Северного Приазовья и Среднего Поднепровья (*Санжаров*, 2004б. С. 124–134). Приведенные данные демонстрируют весомый вклад абашевской культуры в развитие целого блока культурных формирований региона Восточной Украины.

ЛИТЕРАТУРА

- Антоненко Б. О.*, 1991. Курганный могильник поблизу с. Морокіно // Поховальний обряд давнього населення України. Київ.
- Березанская С. С.*, 1987. Абашевские культуры на территории Украины (миграции или контакты) // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Киев.
- Большов С. В.*, 2003. Структурообразующие признаки средневолжской культуры // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: Тезисы докл. науч. конф. Чебоксары.
- Братченко С. Н.*, 1973. Матеріали до вивчення ямної культури Північного Приазов'я // Археологія. № 11.
- Братченко С. Н.*, 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев.
- Братченко С. Н.*, 1977. К вопросу о сложении бабинской культуры (многоваликовой керамики) // Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. Киев.
- Братченко С. Н.*, 2001. Донецька катакомбна культура раннього етапу. Луганськ.
- Братченко С. Н.*, 2006. Ливенцовская крепость: Памятник культуры бронзового века // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ. Вип. 6.
- Братченко С. Н., Гершкович Я. П., Константинову Л. Ф. и др.*, 1978. Отчет Донецкой экспедиции за 1978 год // НА ИА НАНУ. Ф. э. 1978/1.
- Гершкович Я. П.*, 1982. Культурно-хронологические группы погребений эпохи средней – поздней бронзы кургана у с. Пришиб // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев.
- Евдокимов Г. Л.*, 1991. Погребения эпохи ранней и средней бронзы Астаховского могильника // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. Киев.
- Евтюхова О. Н.*, 1961. К вопросу о погребальном обряде абашевской культуры // МИА. № 97.
- Евтюхова О. Н.*, 1965. О хронологии абашевской культуры Среднего Поволжья // МИА. № 130.
- Киселев С. В.*, 1965. Бронзовый век СССР // МИА. № 130.
- Клименко В. Ф.*, 1997. Курганные древности Северского Донца. Енакиево.
- Красильников К. И., Литвиненко Р. А.*, 2000. Новые материалы к изучению культуры многоваликовой керамики Северского Донца // Вісник Луганського державного педагогічного університету ім. Т. Шевченка. Луганськ. № 12 (32).
- Кузьмина О. В.*, 1992. Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье: Учебн. пос. к спецкурсу. Самара.
- Кузьмина О. В.*, 2003. Погребальный обряд абашевской культуры // Тезисы докл. конф. «Чтения, посвященные 100-летию деятельности В. А. Городцова в ГИМ». Ч. 1. Москва.

- Литвиненко Р. А.*, 1992. Погребальные сооружения срубной культуры Подонцовья и Северо-Восточного Приазовья // Донецкий археологический сборник. Донецк. № 1.
- Литвиненко Р. А.*, 1995. Памятники покровского типа на Северском Донце // Археологические вести. СПб. № 4.
- Литвиненко Р. А.*, 2006. Днепро-Донецкая бабинская культура (источники, ареал, погребальный обряд) // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Вип. 5. Луганськ: СНУ. С. 157–187.
- Мерперт Н. Я.*, 1961. Абашевские курганы Северной Чувашии (раскопки 1957–1958 гг.) // МИА. № 97.
- Мерперт Н. Я.*, 1968. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы (III – начало II тыс. до н. э.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.
- Писларий И. А.*, 1983. Культура многоваликовой керамики Восточной Украины: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Поллидович Ю. Б.*, 1993. Новые погребальные памятники эпохи бронзы с территории Донецкой области // Археологический альманах. Донецк. № 2.
- Пряхин А. Д.*, 1971. Абашевская культура в Подонье. Воронеж.
- Пряхин А. Д.*, 1976. Поселения абашевской общности. Воронеж.
- Пряхин А. Д.*, 1977. Погребальные абашевские памятники. Воронеж.
- Рассамакин Ю. Я.*, 1991. О погребениях предкатакомбного времени в Северо-Западном Приазовье // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. Киев.
- Рассамакин Ю. Я.*, 2006. Курганы біля села Старобогданівка та деякі проблеми абсолютної хронології доби ранньої бронзи басейну р. Молочної // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ. Вип. 5.
- Санжаров С. Н.*, 2001. Катакомбные культуры Северо-Восточного Приазовья. Луганск.
- Санжаров С. Н.*, 2002. О позднекатакомбных погребениях в ямах Северского Донца // Донская археология. № 3–4.
- Санжаров С. Н.*, 2004а. Об абашевских погребальных памятниках в бассейне Северского Донца // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ. Вип. 2.
- Санжаров С. Н.*, 2004б. Кайдашинский комплекс поселений рубежа средней – поздней бронзы в системе древностей Северского Донца. Луганск.
- Санжаров С. Н., Бритюк А. А.*, 1996. Краснозоринский курганный могильник в бассейне р. Лугань // Древние культуры Восточной Украины. Луганск.
- Санжаров С. Н., Бровендер Ю. М., Прокопенко Е. А.*, 1992. Исследование курганов 4 и 5 у с. Октябрьское // Древности Северского Донца. Луганск.
- Смирнов А. М.*, 1996. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М.
- Смирнов А. П.*, 1961. К вопросу о формировании абашевской культуры // МИА. № 97.
- Телегін Д. Я.*, 1971. Енеолітичні стели і пам'ятки нижньомихайлівського типу // Археологія. № 4.
- Тереножкін О. І.*, 1960. Курганы в долині р. Молочної // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ. Т. VIII.
- Халиков А. Х.*, 1961. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР // МИА. № 97.
- Череди́нченко Н. Н.*, 1970. Поселения срубной культуры на Луганщине // СА. № 1.
- Черных Е. А.*, 2004. Позднеямные погребения стратифицированного кургана у г. Зимогорье на р. Лугани // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ. Вип. 2.
- Шаповалов Т. А.*, 1976. Поселения срубной культуры у с. Ильичевка на Северском Донце // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев.
- Щепинський А. О.*, 1973. Антропоморфні стели ямної культури Північного Причорномор'я // Археологія. № 9.